

Благотворительница.

СЦЕНКА ВЪ I ДѢЙСТВІИ

Н. Л. Персіяниновой.

Исполнена въ 1-й разъ на сценѣ Александринскаго театра 22 ноября 1901 г.
въ бенефисъ г-жи Стрѣльской.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЛАНСКОЙ, АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ—гастролеръ-трагикъ. . . г. Петровъ.
ПИМЕНОВА, ЛИДІЯ МИХАЙЛОВНА г-жа Савина.
ЛАКЕЙ ЛАНСКОГО г. Щепкинъ.

Дѣйствіе происходитъ въ провинціальномъ городѣ въ квартирѣ Ланскаго. Ланской за письменнымъ столомъ проглядываетъ пьесу, изрѣдка читая въ полголоса. За сценой слышенъ звонокъ. Входитъ лакей съ визитной карточкой въ рукахъ. Подаетъ карточку Ланскому.

Ланской (*разспянно бросаетъ карточку на столъ*). Ага... хорошо... Такъ ты скажи, братецъ, что я извиняюсь, очень занятъ—къ вечеру, скажи, торопится просмотрѣть пьесу.

Лакей. Слушаю, Алексѣй Ивановичъ (*идетъ*).

Ланской. Вотъ что... ты попроси этого барина (*читаетъ карточку*) господина Глазкова зайти ко мнѣ завтра утромъ.

Лакей. Слушаю, Алексѣй Ивановичъ.

Ланской. А сейчасъ никого не принимай, ни души—
понялъ?

Лакей. Слушаю, Алексѣй Ивановичъ. Будьте покойны (уходитъ).

(Ланской продолжаетъ заниматься. Звонокъ, испуганный голосъ лакея—„нельзя-съ—никакъ нельзя-съ, не возможно... занимаются—никого не принимаютъ. Слышенъ женскій смѣхъ, легкая борьба и въ кабинетъ влетаетъ Лидія Михайловна Пименова. Въ дверяхъ сконфуженное лицо лакея. Ланской бросаетъ на него гнѣвный взглядъ, лакей въ недоумѣніи пожимаетъ плечами).

Пименова (весело хохочетъ). Какой онъ у васъ глупый? Ха-ха-ха! Я говорю, мнѣ надо видѣть Алексѣя Ивановича по дѣлу, по дѣлу, по дѣлу—а онъ не пускаетъ! Ахъ какой глупый! Ха-ха-ха! Посмотрите на него! Точно ему на голову вылили тарелку горячаго супу. (Лакей въ негодованіи скрывается). Ну-съ, здравствуйте, нашъ знаменитый высокоталантливый гастролеръ Ланской! Позвольте познакомиться—Лидія Михайловна Пименова—я, товарищъ предсѣдателя общества поощренія падшихъ женщинъ къ труду и къ вамъ по очень, очень нужному дѣлу.

Ланской (подвигаетъ кресло). Прошу васъ.

Пименова (садится). Мерси. Я не задержу васъ—хотя признаться—я вѣдь люблю поговорить! Что же скрывать—я разговорчивая. Сама знаю, что я очень, очень разговорчивая. Ужъ нашъ комитетъ меня всегда всюду посылаетъ: съѣздите, говорятъ, душечка, вы такая разговорчивая.

Ланской. Чѣмъ могу служить?

Пименова. Да вотъ чѣмъ вы можете служить: наше общество поощренія падшихъ женщинъ устраиваетъ благотворительный концертъ и тамъ будутъ номера для чтенія. Такъ вотъ, не откажитесь, пожалуйста, прочесть чтонибудь.

Ланской. Съ удовольствіемъ.

Пименова. Да какой же вы милый! Съ вами всякое дѣло можно кончить съ двухъ словъ (оглядываетъ комнату). Вотъ наконецъ я въ этомъ уголкѣ, гдѣ нашъ талантливый, нашъ высокодаровитый и обожаемый всѣми дамами Алексѣй Ивановичъ разучиваетъ великаго Шекспира! У васъ мило! У васъ очень мило! Скажите... вы передъ этимъ зеркаломъ репетируете свои роли? Что вы такъ смотрите на меня? (колебливо). Шалунъ! Скажите... М-ег Ланской?.. Вы волнуется, когда вы играете?

Ланской. Да, я волнуюсь, когда я играю.

Пименова. Да что вы, что вы, что вы! Неужели вы волнуетесь, когда вы играете? Да неужели? Ну, а когда вы играете съ madame Савиной?

Ланской. Тоже волнуюсь...

Пименова. Да неужели, да не можетъ быть! Вы волнуетесь! Скажите пожалуйста!

Ланской (*раздражаясь*). Я тоже волнуюсь иногда... когда... и не играю...

Пименова. Боже мой! Да неужели? Кто бы повѣрилъ! Такая знаменитость и волнуется—какъ это трогательно! Знаете, мы ужасно спорили объ этомъ съ Соничкой. Впрочемъ, вы не знаете Соничку. Вы знаете Ивана Васильевича?

Ланской. Нѣтъ-съ, не знаю.

Пименова. Ну, можетъ быть, Глафиру Дмитріевну.

Ланской. Тоже не знаю.

Пименова. Ну такъ это ихъ дочка. Да, да! Дочка, дочка! Она, знаете ли вы, ужасно влюблена въ одного человѣка! (*жестъ нетерпѣнія Ланского*). Что вы смотрите такъ! Шалунъ! Шалунъ! Я знаю еще одну даму, которая тоже влюблена въ этого человѣка, а вы знаете?

Ланскій (*холодно*). Не знаю, сударыня. Простите меня... но я очень занятъ...

Пименова. Оо! какой! строгій?! Бука! Уу! (*смѣется*). Ну-съ, такъ къ дѣлу. Что же вы прочтете? Не можете ли вы прочесть чтонибудь маленькое, веселенькое и легкое?

Ланской. Веселенькое???

Пименова. Ну да, чтонибудь смѣшное. Знаете, я за смѣхъ. Я за веселый открытый смѣхъ. Помилуйте, жить и безъ того слишкомъ мрачно! И въ нашемъ обществѣ поощренія падшихъ женщинъ—я всегда за веселый, открытый смѣхъ. Знаете, мы всегда спорили объ этомъ съ прежней председательницей М-ме Баранцевой—она, напримѣръ, запрещала на праздникахъ этимъ бѣднымъ женщинамъ гадать. Ужъ, кажется, невинное развлеченіе—что тутъ грѣшнаго, помните кажется даже у Шиллера сказано: „разъ въ крещенскій вечерокъ дѣвушки гадали“,—помните? А она говорить—грѣшно. Старая, глупая калоша. Правда же, калоша (*урачуетъ*). Вы ее видали?

Ланской (*нетерпѣливо*). Не видать-съ.

Пименова. Ну совершенная калоша. Да еще старая калоша, увѣряю васъ. Итакъ, мы выберемъ съ вами что-нибудь маленькое и смѣшное—напр. „Винтъ“ Чехова, премилая вещьца и не длинная.

Ланской. Сударыня, я трагикъ—и мое амплуа исключительно серіозныя и трагическія вещи.

Пименова. Да? Какъ жалъ! Но одинъ разъ можно! Правда, для меня! Я очень, очень прошу васъ—прочтите „Винтъ“ Чехова.

Ланской. Сударыня, увѣряю васъ, что я даже не сумѣю прочесть „Винтъ“ Чехова.

Пименова. Да что вы, что вы, что вы! Онъ не сумѣетъ! Что за скромность. Вы такая знаменитость—вы все на свѣтѣ сумѣете. А я обожаю Чехова и непременно хочу его распространить въ нашемъ обществѣ поощренія падшихъ женщинъ! Знаете, недавно я была въ Москвѣ и какъ только пріѣхала—сейчасъ же пошла смотрѣть Чехова. Ставили въ тотъ вечеръ „Дикую утку“. Ахъ, какая прелесть! Какъ я наслаждалась! Чудная, чудная вещь!

Ланской. Виновать. Но „Дикая утка“ не Чехова, а Ибсена.

Пименова (*спокойно*). Да нѣтъ же—Чехова!

Ланской. Увѣряю васъ, что Ибсена. Чехова—„Чайка“, „Дядя Ваня“, „Три сестры“...

Пименова. „Чайка“?? (*страшно поражена и огорчена*). Да развѣ же это не все равно? Я такъ и думала, что „Дикая утка“ и значить—„Чайка“. Развѣ же это разныя птицы?? Скажите пожалуйста!! Вотъ разочарованіе! А я все удивлялась, что все не русскія фамиліи—да и то подумала, онъ для здоровія жить въ разныхъ странахъ вотъ и написалъ... Ахъ какая жалость! Такъ что совсѣмъ, совсѣмъ разныя птицы, вы говорите?

Ланской (*улыбается*). Совершенно разныя, сударыня!

Пименова. Ахъ какъ вы меня огорчили! Ахъ какъ вы меня огорчили! А я и съ мужемъ спорила и даже разругала его! Такъ вы навѣрное, навѣрное знаете, что „Дикая утка“ не значить „Чайка“?

Ланской (*улыбается*). Навѣрное знаю, сударыня.

Пименова. Ахъ какая жалость! Откровенно ужъ я вамъ скажу, что одну минуточку я тоже думала, что это разныя

птицы, да вотъ какъ это вышло—я подѣхала къ театру, когда всѣ билеты были уже проданы и свой я купила у барышника (*сердится*). Я его, дурака, еще спросила—а что, говорю, это все равно, что „Дикая утка“, что „Чайка“? А онъ говоритъ—аккуратъ одно и то же, сударыня! Вотъ тебѣ и аккуратъ. Какой болванъ! (*грустно качаетъ головой*). Такъ что совершенно, совершенно разныя птицы! Ну что же теперь дѣлать! М-ег Ланской, я хотѣла съ вами посовѣтоваться еще объ одной вещи, благо мы объ театрѣ разговорились—скажите, пожалуйста, сколько актовъ можно написать въ пьесѣ?

Ланской. Обыкновенно пишутъ 4—5 актовъ.

Пименова. Какое глупое обыкновеніе! Знаете, я ужъ вамъ скажу свой секретъ—я написала пьесу и хорошую пьесу—я вамъ послѣ расскажу содержаніе и представьте, единственное затрудненіе—пьеса никакъ не помѣщается въ 5 актовъ. Какъ мнѣ быть?

Ланской. Можно... разбить акты на картины.

Пименова. Да ужъ я разбила! 15 картинъ—и все мало. Скажите, нельзя-ли въ два вечера поставить? Напримѣръ, первыя 15 картинъ въ одинъ вечеръ, а вторыя 15 картинъ на другой день? А?

Ланской. Я думаю, что нельзя, сударыня. Такъ вы позволите мнѣ выбрать что нибудь... а теперь... правда же, я очень, очень занятъ.

Пименова (*не слушаетъ. Послѣ молчанія, сердито*). Скажите, пожалуйста, и чего ради этотъ старикашка тоже полѣзъ писать про Чайку?

Ланской. Какой старикашка?..

Пименова. Да этотъ вашъ дурацкій Ибсенъ. Терпѣть его не могу. Сто лѣтъ ему, туда же — Дикая утка, Дикая утка! Старая обезьяна. Вотъ теперь изволь изъ-за него опять въ Москву тащиться. Что вы смѣтаете? Вѣдь я пять рублей за кресло заплатила. И какъ я могла подумать, что эту чепуху написалъ душка—Чеховъ? Вотъ ужъ подлинно затменіе! Видали вы пьесу?

Ланской. Нѣтъ—не видалъ.

Пименова. И такая скучища—я чуть-чуть не заснула.

Ланской. Сударыня... позвольте мнѣ выбрать что-нибудь Петербургская и прислать вамъ сказать...

Пименова. Нѣтъ, нѣтъ, мы вмѣстѣ выберемъ — надо будетъ сегодня же составить афишку. Ахъ, у меня такая масса дѣла! Но какъ же быть — надо послужить обществу, нельзя жить праздно. Тѣмъ болѣе, что мнѣ дома совершенно нечего дѣлать — мужъ цѣлые дни въ судѣ — онъ товарищъ прокурора — мальчикъ въ гимназiи, а дѣвочка у няньки и мнѣ было очень скучно. Я такъ рада, что поступила въ наше общество поощренiя падшихъ женщинъ. Теперь я со всѣми, буквально со всѣми знаменитостями знакома, это такъ интересно. Хотя между вами попадаются ужасные оригиналы. Вотъ вы напримѣръ милый и воспитанный, — а Пинскiй! Вообразите, я какъ-то въ антрактѣ спрашиваю его, нарочно за этимъ и за кулисы пришла, — М-ег Пинскiй говорю, вы волнуетесь, когда вы играете? Онъ говоритъ — ну васъ къ Богу, отстаньте (*хохочетъ*). Честное слово — такъ и сказалъ — „отстаньте“. — Правда, какой оригиналъ?

Ланской. Сударыня... простите, — но мнѣ дорога каждая минута...

Пименова. Простите, тысячу разъ простите — я такая разговорчивая. Такъ вы рѣшительно не хотите прочесть Чехова? (*Встаетъ*).

Ланской. Не могу, сударыня... Я выберу что-нибудь и сегодня же пришлю вамъ сказать — какой-нибудь монологъ... сцену...

Пименова. Сцену?! Ахъ какая великолѣпная, великолѣпная мысль! Что если бы мы прочли съ вами какую-нибудь сцену? Меня такъ любятъ въ городѣ — и вы! Знаете, это произвело-бы цѣлый фуроръ. Если хотите можно и трагическую — мнѣ совершенно безразлично — я обожаю театръ, когда я въ театрѣ, то сама не знаю, — на землѣ я или на небѣ.

Ланской. Но... вы играли... сами когда-нибудь?

Пименова. А вы сомнѣваетесь: Боже! Да я на сценѣ, какъ у себя дома! Ну въ наказанiе давайте сейчасъ прорепетируемъ что-нибудь. Нечего, нечего — не спорьте, пожалуйста. Вы узнаете, играла-ли я когда-нибудь. Что это у васъ? А, Шекспиръ, божественный Шекспиръ. Прекрасно. „Отелло“? Чудесно! Прочтемъ сцену изъ „Отелло“...

Ланской (*подавленно*). Сударыня... это совершенно не подходящая вещь для концерта.

Пименова. Не подходящая? Ужъ позвольте мнѣ лучше

знать, подходящая или нѣтъ. Я на своемъ вѣку тридцать три концерта устраивала. Давайте сюда книгу. Не помню же я всего Шекспира наизусть (*съла*).

Ланской (*рѣшительно*). Сударыня, извините, я занятъ. Сударыня, я рѣшительно отказываюсь...

Пименова. А? вы рѣшительно отказываетесь? Ну такъ я вамъ рѣшительно объявляю, что я не уйду изъ этой комнаты, пока мы не прорепетируемъ всей сцены. Предупреждаю васъ, что мой мужъ страшно ревнивъ, черезъ 2 часа онъ вернется изъ суда и если онъ узнаетъ, что я была у васъ...

Ланской (*въ отчаяніи*). Сударыня, я согласенъ. Давайте, пѣть, пѣть, читать—все, что вамъ угодно... Я согласенъ.

Пименова. Ага! Давно бы такъ! Не беспокойтесь — я умѣю обращаться съ знаменитостями. Ну-съ, не будемъ терять время. Вотъ послѣдній актъ, эту сцену—это прелестное мѣсто. Начинайте отсюда: „А, проснулась?“

Ланской. Сударыня...

Пименова. Прошу не спорить. Я уже больше не сударыня—а Дездемона... не портите мнѣ настроенія и не расхолаживайте меня. „Кто здѣсь, Отелло, ты? (Ну!)“

Ланской (*сквозь зубы*). „Я, Дездемона“.

Пименова. „Что жъ не идешь ложиться ты, мой другъ?“ (*въ полголоса*). Нѣтъ—эту фразу мы лучше пропустимъ. Ну? „Молилась ли ты“...

Ланской (*сквозь зубы*). „Молилась ли ты на ночь, Дездемона?“

Пименова. „Да, милый мой“. Ну!..

Ланской (*сквозь зубы, скороговоркой*). „Когда ты за собой какой-нибудь припомнить можешь грѣхъ, котораго не отпустило небо—молись скорѣй“.

Пименова. Не такъ скоро, не такъ скоро! Вы комкаете и меня расхолаживаете! Такъ нельзя! Играйте горячѣе. Ну еще разъ! Ну?

Ланской. О, Создатель! (*повторяетъ медленно*).

Пименова. Такъ лучше. „Что это значитъ, милый?“

Ланской. „Ну, ну молись, да только покороче. Я похожу покамѣстъ. Не хочу я тебя убить, пока ты къ смерти не приготовишься—нѣтъ. Боже сохрани—твоей души я убивать не стану“.

Петербургская.

Пименова. Ну вотъ теперь хорошо. Великолѣпно! Чувствуется, что вы начинаете входить въ роль. Потомъ мы еще можемъ прочесть изъ „Гамлета“ и изъ „Макбета“.

Ланской. Какъ, еще изъ „Гамлета“ и изъ „Макбета“?!

Пименова. Да, да. Эти часы у меня совершенно свободные. „Ты говоришь о смерти?“ Ну? Играйте же! Ну?

Ланской (*мрачно*). Да, о смерти.

Пименова. „О Господи спаси меня!“

Ланской. „Аминь отъ всей души“. Довольно?!

Пименова. Да что вы, что вы, что вы! Какъ довольно! Всю сцену до конца. Какъ довольно? „Аминь ты произносишь, такъ ты меня не умертвишь?“

Ланской (*свирѣпо*). Гм... Гм...

Пименова. Чудесно! Очень, очень хорошо вы входите въ роль. „И все-таки ты страшенъ мнѣ, Отелло. Ты гибелень, когда глаза твои бѣгаютъ. Мнѣ нечего бояться—я за собой вины совсѣмъ не знаю. И все-таки боюсь, я чувствую боюсь“.

Ланской (*мрачно*). „Подумай о грѣхахъ своихъ скорѣе“.

Пименова (*сладко*). „Мои грѣхи—моя любовь къ тебѣ“.

Ланской. Вотъ за нее ты и умрешь сегодня. (*Душитъ Пименову*).

Пименова. Постойте, постойте! Еще не все! Еще тутъ длинный діалогъ. Ай! Что вы дѣлаете? Вы душите меня! А-ай! Алексѣй Ивановичъ! Отелло Ивановичъ! Алексѣй Отелловичъ! Ай! Ай! Мнѣ больно! Боже мой! (*падаетъ въ обморокъ*).

Ланской (*лакей въ дверяхъ*). Поди сюда, мерзавецъ. Видишь, что я сдѣлалъ. Можетъ быть она и умереть отъ страху. А все изъ-за тебя, чертова перечница. Говорилъ тебѣ, не пускай ко мнѣ дамъ по дѣлу. Ну, что смотришь—за докторомъ живо. (*Наливаетъ стаканъ воды и идетъ къ Пименовой*).

Пименова (*приходитъ въ себя, медленно и сердито*). Вы невѣжа... Вы мужикъ... Я пожалуюсь мужу... Вы не будете участвовать въ нашемъ концертѣ.
